

На правах рукописи

Автохутдинова Ольга Фёдоровна

**«ДРУГОЙ» КАК ПЕРСОНАЖ В СМИ:
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ
КОНСТРУИРОВАНИЯ**

Специальность 10.01.10 – Журналистика

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2015

Работа выполнена на кафедре русского языка и стилистики ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент,
Чепкина Элина Владимировна.

Официальные оппоненты: *Силантьев Игорь Витальевич,*
доктор филологических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии
наук, директор.

Рогалева Ольга Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Омский
государственный университет им. Ф. М.
Достоевского», доцент кафедры
журналистики и медиалингвистики.

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет» (г. Казань).

Защита диссертации состоится: 23 декабря 2015 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.285.21 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан «__» _____ 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Б. Н. Лозовский

В диссертации применяется метод дискурс-анализа и выполнено исследование дискурсивных практик конструирования «Другого» в текстах СМИ.

Актуальность выбранной темы в научном плане обусловлена, недостаточной исследованностью «Другого» в СМИ. В теории журналистики, с одной стороны, хорошо освещены правовые и этические нормы профессии, требования к объективности, достоверности сообщений, с другой – подробно исследована психология журналистского творчества, в аспекте работы над текстом разработана теория жанров. Но актуальной задачей, восполняющей недостаток теоретического осмысления журналистской практики, является изучение повседневных дискурсивных практик журналистов, используемых ими способов конструирования реальности, в том числе социальной стратификации и типизации «Других» как героев журналистских произведений. Дискурсивные практики – как специфически организованные способы передачи смыслов в медиатекстах – это промежуточное звено, профессиональный механизм, встроенный между работой журналиста «в поле» и написанием текста. Их исследование позволяет выявить те институциональные рамки творчества журналиста, которые касаются обычно не вербализованных профессиональных правил выбора и обработки информации: как выбор персонажей, а также источников информации, информационных поводов и экспертов влияет на смысл и структуру журналистского произведения, как самопрезентация персонажа влияет на впечатление, которое может сложиться о нем у аудитории, и т.д.

Потребность в комплексном изучении механизмов конструирования «Другого» как социально значимого персонажа медиадискурса обусловлена важнейшей ролью СМИ в формировании установок массового сознания относительно социальных меньшинств, эти установки зачастую носят отнюдь не толерантный характер.

Степень научной разработанности проблемы

Теоретической базой исследования послужили труды видных отечественных и зарубежных ученых в области теории журналистики, философии, социологии, лингвистики, теории массовых коммуникаций.

Категория Другого разработана в рамках классической философии Г. В. Ф. Гегелем¹, И. Г. Фихте², рассматривалась в рамках материалистической антропологии Л. Фейербахом³, феноменологии –

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики, М., 1975. – Т.1.

² Фихте И. Г. Избр. сочинения. М., 1916. – Т. 1

³ Фейербах Л. Сочинения : в 2 т. М., 1995.

Э. Гуссерлем⁴, М. Бубером⁵, социологии – Р. Штихве⁶. Имманентизация Другого в рамках онтологизма прослеживается также в работах М. Бахтина⁷, Ж. Делёза⁸, Э. Левинаса⁹, Ж.-П. Сартра¹⁰. В частности, М. М. Бахтин в своих работах отразил один из важнейших аспектов понимания Другого. Понятие Другой является необходимым инструментарием для изучения значимого для дискурса СМИ феномена «свой-чужой», эта оппозиция определяет многие и личностные, и социально-психологические, и культурные реалии. Для диссертационного исследования привлекались работы таких современных теоретиков, занимающихся разработкой проблематики Другого, как В. В. Ильин¹¹, В. Е. Кемеров¹², Т. Х. Керимов¹³, Е. Е. Кудачова¹⁴, Е. В. Кантемиров¹⁵. Научные труды названных ученых позволяют классифицировать виды Другого, сформировавшиеся в различные исторические периоды – от традиционного общества до постиндустриального, а также обобщить типичные для каждого вида черты, чтобы затем проследить, как они могут быть зафиксированы в журналистских текстах. Исследования показали, что по степени опасности для «своих» могут быть выделены виды Другого: «враг», «чужой», «иной». В последнем случае «Другой» в какой-то степени может быть даже включен в группу «своих». Отметим, что хотя философами и социологами и предпринимались попытки осмысления категории Другого в дискурсе средств массовой информации (в частности, в коллективной монографии «"Другой" в пространстве коммуникации»¹⁶), развернутых исследований на эту тему не представлено. Также не было подробно исследовано отношение к «Другому» в СМИ с точки зрения критического дискурс-анализа. При

⁴ Гуссерль Э. Картезианские размышления, СПб., 1998.

⁵ Бубер М. Я-ты // Два образа веры, М., 1995. С. 16-92.

⁶ Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. №1. С. 41–52.

⁷ Бахтин М. М. Работы 20-х годов. – Киев, 1994.

⁸ Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Делёз Ж. Логика смысла. М., 1995.

⁹ Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб, 1998.

¹⁰ Сартр Ж. П. Бытие и ничто. М., 2000.

¹¹ Ильин В. В. Постклассическое обществознание: каким ему быть? // Социологические исследования. 1992 №10. С. 37-43.

¹² Кемеров В. Е. Методология обществознания. Свердловск, 1990.

¹³ Керимов Т. Х. Гуманитаризация обществознания и проблема Другого // Другой в пространстве коммуникации. Казань, 2007. – С. 7-21.

¹⁴ Кудачова Е. Е. Интерсубъективность и диалог (опыт экзистенциально-феноменологической характеристики отношения Я-Другой) : Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Е. Е. Кудачова. – Ростов-на-Дону, 2002. – 24 с.

¹⁵ Кантемиров Е. В. Проблема Другого в современном обществе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Е. В. Кантемиров. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 24 с.

¹⁶ «Другой» в пространстве коммуникации: Сб. науч. статей под ред. С. К. Шайхитдиновой. Казань, 2007.

этом категория «Другого» требует углубленного рассмотрения в контексте журналистского дискурса в целом.

Значимыми для нашей работы являются лингвистические исследования, связанные с разработкой теории текста и дискурса. Первые попытки изучения текста как целостной структуры предпринимают структуралисты и семиологи – К. Леви-Стросс¹⁷, Р. Барт¹⁸, Ц. Годоров¹⁹ и др. Традиции структурного анализа текста продолжают представители европейской теории текста, окончательно сложившейся во второй половине XX века. К ним можно отнести Р. Харвега²⁰, З. Шмидта²¹, Т. ван Дейка²². Также следует назвать М. М. Бахтина²³, И. А. Фигуровского²⁴, Н. С. Поспелова²⁵, Т. Г. Винокур²⁶, Ю. М. Лотмана²⁷, Б. А. Успенского²⁸, ставших основателями русских школ семиотики. В 1970–1980-е годы теорию лингвистики текста развивали В. Г. Гак²⁹, И. Р. Гальперин³⁰, Б. М. Гаспаров³¹, Л. М. Лосева³², О. И. Москальская³³, Т. М. Николаева³⁴, М. И. Откупщикова³⁵, Е. А. Реферовская³⁶, З. Я. Тураева³⁷ и др. Их работы послужили основой для разработки общих проблем языкознания: отношения языка к действительности, асимметрии в языке, проблемы высказывания, знакового характера языка, семантического синтаксиса, что в дальнейшем позволило развиваться теориям медиалингвистики. Особый интерес здесь представляют работы по коммуникативно-функциональной лингвистике и моделированию текста В. В.

¹⁷ Леви-Стросс, К. Структурная антропология. М., 2011.

¹⁸ Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов. М., 1987

¹⁹ Годоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. М., 1983. – С. 355-369.

²⁰ Харвег Р. Стилистика и грамматика текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1980. С. 212-226.

²¹ Шмидт З. Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. С. 89-110.

²² ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

²³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

²⁴ Фигуровский И.А. Избранные труды. - Елец, 2004.

²⁵ Поспелов Н. С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке. М., 1948.

²⁶ Винокур Г. О. Культура языка. М., 2006.

²⁷ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.

²⁸ Успенский Б. А. Семиотика искусства. М., 1995.

²⁹ Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

³⁰ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

³¹ Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

³² Лосева Л. М. Как строится текст. М.: Просвещение, 1980.

³³ Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1980.

³⁴ Николаева Т. М. Текст; Лингвистика текста; Теория текста // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

³⁵ Откупщикова М. И. Синтаксис связного текста. Л., 1982

³⁶ Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста. Л., 1989.

³⁷ Тураева З. Я. Лингвистика текста: Текст, структура и семантика. М., 1986.

Богуславской³⁸, теории публицистического факта В. Н. Фоминых³⁹. Прикладные аспекты медиалингвистических исследований применительно к специфике функций СМИ изучены Т. Г. Добросклонской⁴⁰, аспекты речевой структуры газетного текста описываются В. И. Коньковым⁴¹, Д. Н. Шмелевым⁴², медиатексту в контексте межкультурной коммуникации и разных стилистических тенденций посвятили свои монографии Л. М. Майданова⁴³, Н. В. Муравьева⁴⁴ и С. И. Сметанина⁴⁵. Новым аспектом медиаисследований стало изучение социалингвистики и языковой картины мира в работах Г. Я. Солганика⁴⁶, С. И. Тресковой⁴⁷, Т. В. Чернышева⁴⁸. Вопросы политической лингвистики и текстов политического дискурса проработаны в монографиях Н. А. Купиной⁴⁹, Н. И. Клушиной⁵⁰, А. П. Чудинова⁵¹, Е. И. Шейгал⁵². В указанных исследованиях показана особая природа медиатекста в силу специфических задач и функций: социальная оценка предмета речи, информативная и эмоционально-воздействующая цель выступления, массовость и общедоступность, связность, смысловая законченность. При этом текст как часть дискурса содержит маркеры более общих закономерностей, формирующихся в контексте дискурсивных практик. Это закономерности более высокого уровня, правила построения не одного и даже не сотни, а сотен тысяч журналистских текстов, механизмы, собственно и приводящие к появлению публикаций в том виде, в каком они попадают к адресату. Однако эта тема на данный момент не получает должного развития в медиалингвистике, в связи с чем описание и классификация

³⁸ Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М., 2008.

³⁹ Фоминых В. Н. Публицистический факт: Путь к оптимизации журналистского текста. Красноярск, 1987.

⁴⁰ Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации. М., 2008.

⁴¹ Коньков В. И. Речевая структура газетного текста. СПб., 1995.

⁴² Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

⁴³ Майданова Л. М. Структура и композиция газетного текста. Красноярск, 1987.

⁴⁴ Муравьева Н. В. Язык конфликта. М., 2002.

⁴⁵ Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.). СПб., 2002.

⁴⁶ Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000. С. 9-23.

⁴⁷ Трескова С. И. Социалингвистические проблемы массовой коммуникации: (Принципы измерения языковой вариативности). М., 1989.

⁴⁸ Чернышева Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2007.

⁴⁹ Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург-Пермь, 1995.

⁵⁰ Клушина Н. И. Власть, СМИ и общество (стратегии и тактики формирования общественного мнения) // Язык СМИ и политика. М., 2011. С. 262-283; Клушина Н. И. Дискурс и стиль: социальное и эстетическое измерение текста // Stylistyka - Poland (Opole), №23. С. 113-120

⁵¹ Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М., 2007.

⁵² Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

дискурсивных практик представляется нам перспективной для исследования темой.

Отдельно следует остановиться на теоретической разработанности понятия «персонаж» СМИ. Текстовую категорию персонажа и его сюжетные функции изучали В. Я. Пропп⁵³, И. П. Ильин⁵⁴. Однако природа персонажа в журналистике и художественной литературе имеет существенные отличия. В литературе персонаж рассматривается как категория текста и продукт авторского замысла, в отличие от дискурса СМИ, где персонаж конструируется на основе фактов о реальной биографической личности или социальной группе. Но и авторский замысел журналиста играет свою роль: именно корреспондент, следуя дискурсивным правилам, отбирает событие и героев для публикации. Методы и приемы воплощения авторского замысла в журналистском тексте описаны М. И. Стюфляевой в книге «Человек в публицистике»⁵⁵, в монографии Л. М. Майдановой «Структура и композиция газетного текста»⁵⁶. При этом вне поля зрения исследователей остаются вопросы механизмов, анонимных и безличных практик создания медиаперсонажа. В диссертации предлагается подход, настаивающий на универсальности практик конструирования персонажа СМИ.

Тенденция к разделению терминов «текст» и «дискурс» наметилась в 70-80-е годы XX века. Под дискурсом стали понимать разные виды актуализации текстов в связи с экстралингвистическими показателями⁵⁷, разграничили понятия «дискурс» и «текст» как процесс речевой деятельности и ее результат⁵⁸. Существует несколько научных направлений, разрабатывающих теоретические представления о дискурсе и его разновидностях. Существует много лингвистических работ, где дискурс выступает объектом исследования некой совокупности текстов, при этом используются традиционные лингвистические методы анализа, стандартная схема структуры коммуникативной ситуации. Один из таких подходов предлагается исследователями-когнитивистами и связан с пониманием дискурса как речи, вписанной в коммуникативную

⁵³ Пропп В. Я. Морфология <волшебной> сказки; Исторические корни волшебной сказки : собр. тр. М., 1998.

⁵⁴ Ильин И. П. Персонаж // Современное зарубежное литературоведение: Страны Зап. Европы и США : Концепции, школы, термины : Энцикл. справ. М., 1996. С. 90-91.

⁵⁵ Стюфляева М. И. Человек в публицистике (Методы и приемы изображения и исследования). Воронеж, 1989.

⁵⁶ Майданова Л. М. Структура и композиция газетного текста. Красноярск, 1987.

⁵⁷ См. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.

⁵⁸ Бенвенист Э. Формальный аппарат высказывания // Общая лингвистика. М., 1974. С. 311-319; Бисмалиева М. К. О понятиях «текст» и «дискурс» // Филологические науки. 1999. №2. С. 78-85; Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. Екатеринбург, 2001; Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. М., 1997. С. 15-25; Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: Текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000.

ситуацию. Т. А. ван Дейк говорит о дискурсе как о высказывании, содержание и форму которого определяют когнитивные установки (фреймы)⁵⁹. В этом направлении работают Н. Д. Арутюнова⁶⁰, Б. М. Гаспаров⁶¹, А. Г. Гурочкина⁶², В. И. Карасик⁶³ и др. Именно Н. Д. Арутюновой принадлежит афористичное определение дискурса как речи, погруженной в жизнь⁶⁴. Разумеется, в этом широком научном направлении есть различные подходы к выделению конкретных объектов и выбору методик исследования. Так, М. Л. Макаров⁶⁵ исследует исключительно устную речь и уникальные экстралингвистические факторы построения живого диалога. Есть и работы обзорного характера относительно когнитивно-дискурсивных исследований: В. А. Миловидов⁶⁶, Ю. Е. Прохоров⁶⁷ и др.

М. Н. Кожина⁶⁸ проводит перспективную для дальнейших исследований параллель между теорией дискурсивных формаций М.Фуко и его последователей во французской филологии и теорией функциональной стилистики. Действительно, можно легко увидеть параллели между описанием научного или художественного дискурса и научного или художественного функциональных стилей. Что ни в коей мере не стирает разницу между изначальными теоретическими установками и методами исследования разных объектов.

Метод критического дискурс-анализа восходит к французским структуралистам и постструктуралистам, и прежде всего к М.Фуко⁶⁹. Дискурс по Фуко – это «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания»⁷⁰. В дальнейшем концепцию Фуко развивают

⁵⁹ ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 70-78.

⁶⁰ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.

⁶¹ Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

⁶² Гурочкина А. Г. Понятие дискурса в современном языкознании // Номинация и дискурс. Рязань, 1999. С. 12-15.

⁶³ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

⁶⁴ Арутюнова, указ. соч. С.136-137

⁶⁵ Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.

⁶⁶ Миловидов В. А. От семиотики текста к семиотике дискурса: Пособие по спецкурсу. Тверь, 2000.

⁶⁷ Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2006.

⁶⁸ Кожина М. Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст - Дискурс – Стилль. СПб., 2004. С. 9–33.

⁶⁹ См. Фуко М. Археология знания = L'Archeologie du savoir. – СПб., 2004.; Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М., 1996.

⁷⁰ Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 29.

У. Маас⁷¹, П. Серно⁷² и др. Среди российских ученых в этом русле теории дискурса работают О. С. Иссерс⁷³, И. Сандомирская⁷⁴, И. В. Силантьев⁷⁵, В. Е. Чернявская⁷⁶, Э. В. Чепкина⁷⁷ и др. Характерным для этого направления является обращение не столько к традиционным методикам лингвистического анализа текстов в рамках разных дискурсов, сколько разработка методов выявления и анализа дискурсивных практик – универсальных способов смыслообразования, не замкнутых в рамках отдельных текстов, но позволяющих описать собственно дискурс как объект, обладающий имманентными характеристиками, которые невозможно увидеть в рамках традиционной лингвистики.

Отметим, что в настоящее время, несмотря на большое количество работ, посвященных дискурсу и дискурс-анализу в целом, довольно ограниченное число исследователей применяют критический дискурс-анализ, сфокусированный на дискурсивных практиках, для изучения непосредственно средств массовой информации. Кроме того, отметим, что и сами дискурсивные практики описаны скупо. Более того, само понятие «дискурсивная практика» на наш взгляд, разработано недостаточно.

Выбрав в качестве объекта исследования дискурс СМИ, медиатексты как его единицы, мы не могли не опираться на труды, касающиеся разработки проблем теории и истории масс-медиа. Роль СМИ в формировании в современном обществе установок толерантности и интолерантности изучает И. М. Дзялошинский⁷⁸, истории и современному состоянию зарубежных и российских СМИ посвятили свои исследования Я. Н. Засурский⁷⁹, Л. Г. Свитич⁸⁰ и др., аспекты взаимодействия СМИ и власти, функционирования новых медиа освещаются И. И. Засурским⁸¹, специфику журналистской картины мира

⁷¹Maatz U. Alsder Geistder Gemeinschafteine Sprachefand. Sprache im National-sozialismus. Opladen. 1984. P.18

⁷²Серно П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С. 26.

⁷³ Иссерс О. С. Доминанты новых дискурсивных практик современной русской речи //Речеведение: современное состояние и перспективы. Пермь, 2010. С. 47–53.

⁷⁴Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. – Wien, 2001.

⁷⁵ Силантьев И. В. Газета и роман. Риторика дискурсных смещений. М., 2006.

⁷⁶ См. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого воздействия. М., 2006.

⁷⁷Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000). Екатеринбург, 2000.

⁷⁸ Дзялошинский И. М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху. М. : Восток, 1996.

⁷⁹ Засурский Я. Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990-2004. М., 2004; Засурский Я. Н. Актуальные проблемы журналистики. М., 1997; Засурский Я. Н., Колесник С. Г., Свитич Л. Г., Ширяева А. А. Журналист: российско-американские социологические исследования. М., 1998.

⁸⁰ Свитич Л. Г. Профессия: журналист. М., 2003.

⁸¹ Засурский И. И. Реконструкция России. (Масс-медиа и политика в 90-е). М., 2001.

исследуют В. Д. Мансуровой⁸², Г. Я. Солганик⁸³, проблемам творчества и журналистского мастерства посвящены работы Л. Л. Реснянской⁸⁴ и М. И. Стюфляевой⁸⁵, аспекты социологии СМИ и взаимодействия средств массовой информации и аудитории рассматриваются в работах И. Д. Фомичевой⁸⁶ и др. Свой вклад в разработку теории массовых коммуникаций внесли и представители уральской школы журналистики. Проблемы манипуляции и влияния в средствах массовой информации подробно описаны Б. Н. Лозовским⁸⁷, исторический аспект развития и становления российских СМИ раскрыт в работах М. М. Ковалевой⁸⁸ и Д. Л. Стровского⁸⁹, проблемам современного телевидения, его жанрам и морфологии посвятила свою монографию М. А. Мясникова⁹⁰, теорию психологии творчества журналиста в индивидуально-авторском аспекте разрабатывает В. Ф. Олешко⁹¹. Во всех этих работах так или иначе освещаются аспекты исследования медиадискурса, затронутые в данной диссертации.

Особый интерес представляет культурологическое и социологическое направления исследований средств массовой информации. Теория образов и общественных симулякров, как и тактики действий масс-медиа в ходе подготовки к конфликтам описаны в серии публикаций Ж. Бодрийяра⁹², роль медиа в развитии общественных отношений, способность коммуникации влиять на социальные группы является одной из тем исследований П. Бурдьё⁹³, различные аспекты воздействия электронных средств коммуникации на человека и общество нашли свое отражение в работах Г. М. Маклюэна⁹⁴. И хотя и западные (П. Бурдьё, Г. М. Маклюэн), и отечественные (Я. Н. Засурский, Б. Н. Лозовский, М. М. Ковалева, В. Д. Мансурова, В. Ф. Олешко, Д. Л. Стровский) исследователи соглашались с тем, что СМИ, становясь

⁸² Мансурова В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул, 2002.

⁸³ Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000. С. 9–23.

⁸⁴ Реснянская Л. Л. Газета для всей России. М., 1999.

⁸⁵ Стюфляева М. И. Поэтика публицистики. Воронеж, 1975.

⁸⁶ Фомичева И. Д. Индустрия рейтингов. Введение в медиаметрию. М., 2004; Фомичева И. Д. Целевое программирование в журналистике. М., 1985.

⁸⁷ Лозовский Б. Н. Кто и как манипулирует журналистами. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации. Екатеринбург, 2011.

⁸⁸ Ковалева М. М. Отечественная журналистика: вопросы теории и истории. Екатеринбург, 2000.

⁸⁹ Стровский Д. Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода. Екатеринбург, 2001.

⁹⁰ Мясникова М. А. Телевидение в современном медиaprостранстве. Екатеринбург, 2007.

⁹¹ Олешко В. Ф. Журналистика как творчество, или Что нужно делать, чтобы читатели, телезрители, радиослушатели тебя понимали или вступали в диалог. Екатеринбург, 2002.

⁹² Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.

⁹³ Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М., 2002

⁹⁴ Маклюэн Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М., 2007.

объектом и субъектом манипуляции, создают особую реальность (журналистскую картину мира или «виртуальную» реальность), однако, как представлено в диссертации, сегодня назрела необходимость говорить не об отражении реальности в журналистской картине мира, а о конструировании событий и персонажей в СМИ как в особом дискурсе. Теория отражения, уходящая корнями в концепции марксизма, упрощает (вплоть до метафоры зеркального отражения) сложный процесс взаимодействия внедискурсивной реальности с дискурсивными конструктами разных типов, каждый из которых по-своему моделирует окружающий мир для адресата (Бергер, Лукман, Луман, Дьякова, Трахтенберг, Шайхитдинова). Исследование практик конструирования персонажа «Другой» в настоящей диссертации дает наглядное представление о механизмах конструирования социальной реальности, представляет альтернативный теории отражения научный подход.

Таким образом, с опорой на исследования в области журналистики и медиалингвистики, философии, социологии, в диссертации термин «Другой» применительно к дискурсу СМИ предлагается понимать как *медиаперсонаж, практики конструирования которого как объекта дискурса СМИ маркируют его инаковость, отличие, значимое в социальном контексте.*

Объект исследования – дискурс печатных и электронных средств массовой информации о «Другом».

Предмет исследования – дискурсивные практики конструирования «Другого» как персонажа СМИ, типы «Других» в российских СМИ.

Целью диссертационного исследования является систематизация и описание дискурсивных практик конструирования «Другого» как персонажа журналистского текста, выявление типичных «Других» как конструктов медиадискурса.

Для реализации цели исследования необходимо решить ряд задач:

1) Дать определение понятия «Другой» как персонаж СМИ в контексте актуальных проблем современного российского общества.

2) Обосновать на основе систематизации имеющегося комплекса литературы необходимость перехода при изучении масс-медиа от теории отражения реальности к теории конструирования реальности с помощью дискурсивных практик.

3) Обобщить подходы к рассмотрению роли персонажа в тексте, конструированию его как объекта медиадискурса; разработать методiku анализа дискурсивных практик конструирования «Другого» в журналистских текстах: дать рабочие определения базовых понятий, выделить этапы анализа.

4) Исследовать развертывание комплекса разнородных дискурсивных практик конструирования объекта медиадискурса в двух ситуациях появления «Другого» как персонажа с неопределенным статусом.

5) На основе анализа текстов, где присутствует персонаж «Другой» систематизировать и описать практики конструирования «Другого», несущие отрицательно-оценочную семантику (враг и отклоняющийся от нормы «Другой»), положительно-оценочную семантику (персонаж-помощник и герой), а также практики конструирования «Другого», вызывающего амбивалентное отношение («Другой», говорящий о самом себе; «Другой»-жертва и диссидент).

Теоретико-методологическая база исследования.

Основополагающим для данного исследования является метод дискурс-анализа, позволивший найти закономерности формирования практик, которые невозможно выявить с помощью традиционного лингвистического анализа. С другой стороны, подходы в рамках лингвистического анализа позволяют определить маркеры дискурсивных практик в текстах. Учитывались нарративные, логические, смысловые, содержательно-формальные аспекты лингвистического анализа.

Исследование также опирается на общенаучные методы и специальные методики исследования информационных ресурсов. Общенаучные методы, в частности анализ и синтез, индукция и дедукция, позволили выявить общее и частное, структурировать отдельные элементы изучаемого явления в систему, сформулировать выводы и вывести обобщения. Также в диссертации мы опирались на общефилософские принципы научной объективности, системности и достоверности.

Для анализа персонажей СМИ с неопределенным статусом (Алексей Дымовский и Пензенские Затворники) мы использовали принцип Case study – метод, который заключается в анализе конкретной ситуации, частного случая, относящегося к определенному классу феноменов. В нашем случае метод не направлен на проверку уровня доверия к данным, указанным в публикациях, он предоставляет возможность анализа типов социальных практик, в том числе дискурсивных, а также способов социального взаимодействия в некоторых ситуациях.

Эмпирическая база исследования – более 1500 текстов о «Другом», опубликованных с октября 2006 года по февраль 2015 года. Для анализа «Других» как персонажей привлекались публикации таких периодических изданий, как «Аргументы и Факты», «Новая газета», «Коммерсантъ», «Комсомольская Правда», «Московский Комсомолец», «Известия», «Труд», «Литературная газета», «Огонек», «Русский Newsweek», «Православная газета»; расшифровки программ телеканалов

«МТРК “Мир”», «Вести», «Первый канал», радиостанций «Радио Свобода», «Эхо Москвы»; сообщения информационных агентств и сетевых изданий «Лента.ру», «ИТАР-ТАСС», «РИА Новости», «Интерфакс», «Газета.Ру», «Частный корреспондент», «Рабкор», «Slon.ru», «Ura.Ru» и др., а также тексты, размещенные на интернет-порталах, не зарегистрированных как СМИ, но указывающих печатный, радио или ТВ-источник опубликованного материала (Credo.Ru, Ateism.ru, «K2Капитал», «Новая политика») и др.

Публикации отбирались методом случайной выборки. Основными формальными критериями отбора текстов стали следующие: во-первых, текст выполнен в журналистском жанре заметки, интервью, статьи, репортажа, очерка и т.п.; адресован широкому кругу читателей качественных или массовых изданий. Мы исключили рекламные и пиар-тексты, тексты проповедей, различные виды обратной связи с адресатом (сообщения на форумах на сайте СМИ, комментарии под публикациями). Также мы не анализировали визуальные компоненты публикаций.

В отношении содержания текстов определяющими критериями были следующие: персонажем публикации должен быть отобранный нами персонаж с неопределенным статусом – А. Дымовский или Пензенские Затворники. Выбор персонажей обусловлен тем, что, по мнению автора, они являются примерами показательными: в современных СМИ уже сложились определенные практики описания некоторых социальных групп Других (например, мигранты, лица нетрадиционной сексуальной ориентации). Образы этих групп имеют историю и обладают относительной устойчивостью в медиадискурсе. Для нас же было важно рассмотреть практики конструирования «Другого», не встроенного в логический или хронологический порядок, зачастую не имеющего последовательного нарратива. Поступок Дымовского повторили единицы. Сколько-нибудь заметной поддержки в рядах МВД его акция не получила, однако его выступление привело к внесению изменений в федеральное законодательство (госслужащим с 2010 года запрещено публично критиковать руководство), т.е. один из общественных институтов (власть) счел появление подобного «Другого» потенциально опасным и принял меры на будущее для защиты от его появления. История же Пензенских затворников так и осталась в медиадискурсе уникальной: группа распалась, последователей у нее не было. Анализ практик описания этих персонажей позволил показать, что журналисты настойчиво пытаются вписать любого «Другого» в какую-либо известную социальную группу, даже если он туда вписывается плохо или не вписывается вовсе. При этом основной акцент делается на негативных оценках. Таким образом, выбранные персонажи, остаются уникальными, даже если журналисты время от времени к ним возвращаются (в 2015 году было минимум три газетных публикации об

А. Дымовском), практики конструирования, которые были выявлены на основе анализа этих случаев, также сохраняют актуальность, журналисты продолжают их использовать при конструировании разных типов «Других».

Также в качестве иллюстративного материала мы посчитали возможным привлечь публикации, в которых не упоминались Дымовский или Пензенские Затворники, но содержались маркеры актуализации отдельных дискурсивных практик, конструирующих «Другого».

Научная новизна работы заключается в избранном нами подходе к публикациям СМИ о «Других» с позиций социального конструкционизма (П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман) и дискурс-анализа (О. С. Иссерс, И. Сандомирская, И. В. Силантьев, М. В. Йоргенсен, У. Маас, Л. Филлипс, М. Фуко, Э. В. Чепкина), что дало возможность показать частично автоматизированные практики работы журналистов в части выбора и описания персонажей, которых общественное мнение маркирует как «Других». Рассмотрение проблемы в данной работе носит системный характер: в исследовании прослеживаются эволюция понимания «Другого» на разных стадиях общественного развития, философские и общекультурные подходы к пониманию «Другого», представление «Других» разных типов в современных российских СМИ.

В научный оборот вводятся новые данные, полученные в ходе изучения более 1500 журналистских публикаций за 2008-2015 гг. из СМИ разных типологических групп.

Самостоятельную значимость имеет разработка методика анализа дискурсивных практик конструирования Других как персонажей СМИ, анализ, систематизация и описание данных практик.

Ценность представляет и то, что впервые рассмотрен комплекс дискурсивных практик конструирования персонажей с неопределенным статусом в момент возникновения сенсационного информационного повода.

Теоретическая ценность работы. В научный оборот вводится и эксплицируется понятие ««Другой» как персонаж дискурса СМИ», обосновывается наличие разных в плане оценочной модальности практик конструирования «Другого» в медиатекстах, что вносит вклад в разработку проблем функционирования современных российских СМИ.

Практическая ценность диссертации заключается в возможности применения ее материалов и выводов в ходе дальнейших исследований журналистского дискурса. Методика выявления и описания дискурсивных практик конструирования персонажа может помочь студентам, обучающимся по специальности «журналистика», журналистам и редакторам изданий выстраивать сбалансированный образ «Другого», избегать ситуаций непреднамеренного искажения информации при описании действий персонажа, а также понимать

степень этической ответственности при использовании дискурсивных практик конструирования героя публикации, формировать установки толерантного сознания у массовой аудитории.

Проведенный в работе детальный анализ необходимого количества текстов СМИ и сделанные из него выводы могут способствовать исключению неоднозначности воздействия дискурсивных практик в тексте, рассчитанном на определенный тип аудитории.

Разработанная классификация видов и актуализаций практик конструирования «Другого» как персонажа дискурса СМИ вооружает журналистов конкретными критериями в оценке практик конструирования, стереотипизации того или иного типа персонажа.

Положения диссертации, полученные лично соискателем, содержащие новизну и **выносимые на защиту**, заключаются в следующем:

1. Исследование практик конструирования «Другого» как персонажа СМИ – актуальная научная проблема как вследствие недостаточной разработанности проблем дискурсивной организации массмедиа, так и по причине высокой общественной значимости вопросов социального мира, толерантности, снижения уровня ксенофобии в современной России. Внимание к «Другому» высвобождает серьезный потенциал развития общества.

2. Дискурсивные практики конструирования персонажа-«Другого» реализуются через накопление соответствующих смыслов, у которых могут быть повторяющиеся маркеры. Анализ практик конструирования «Других» наглядно демонстрирует, что журналистский текст не копирует, не отражает механически социальную реальность, а всякий раз рождает особую медиареальность, функционирующую по анонимным и безличным правилам дискурса СМИ.

3. Исследован начальный этап конструирования «Другого» как персонажа в дискурсе СМИ, когда он еще не типизирован и не получил закрепленного социального статуса. Этот этап актуализирует множество практик, в том числе взаимоисключающих в оценочном отношении, а именно: фиксируются практики, формирующие негативное, позитивное, а также амбивалентное отношение к «Другому».

4. Негативно-оценочные практики конструируют «Другого» как внешнего или внутреннего врага, «ненормального» субъекта, нарушающего социальные правила. Эти практики наиболее частотны в современном российском медиадискурсе.

5. Положительно-оценочные практики конструирования персонажа отводят «Другому» роль помощника, внешнего или внутреннего с точки зрения включенности в сообщество «своих», а также роль героя.

6. К практикам конструирования «Другого», амбивалентным в оценочном аспекте, относятся: самопрезентация «Другого», «Другой»-

жертва и «Другой»-диссидент. Они показывают высокую степень неоднозначности восприятия некоторых «Других» в общественном сознании.

Апробация научных результатов и степень достоверности.

Степень достоверности обеспечена репрезентативным объемом исследуемых материалов, использованием адекватных и апробированных для изучения практик конструирования персонажа в медиадискурсе методов эмпирического исследования, сочетанием качественного анализа с количественными параметрами, адекватным поставленным задачам подбором методов и методик.

Апробация научных результатов диссертационного исследования нашла отражение в 14 публикациях, четыре из которых опубликованы в издании, рецензируемом ВАК. Содержание концепции, положенной в основу диссертации, а также различные ее аспекты были представлены также в тезисах и докладах научных сообщений для ряда международных, всероссийских и межвузовских научно-практических конференций: «Современная политическая коммуникация» (Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 2009 г.), «Журналистика в 2009 году: трансформация систем СМИ в современном мире» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010 г.), XIII Всероссийская научно-практическая конференция «Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века» (Екатеринбург, Гуманитарный университет, 2010 г.), «Журналистика в современном мире: трансформация профессии» (Екатеринбург, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2010 г.), XV Международная научная конференция «Риторика как предмет и средство обучения» (Москва, Московский педагогический государственный университет, 2011 г.), «Журналистика в 2010 году. СМИ в публичной сфере» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011 г.), «Российские СМИ и журналистика в новой реальности» (Екатеринбург, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2011 г.), «Восточнославянские языки в историческом и культурном контекстах: новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике» (Киев, Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины 2012 г.), «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике» (Одесса, Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, 2013 г.)

На основе материалов и выводов исследования для студентов факультета журналистики Уральского федерального университета были подготовлены соответствующие разделы двух учебно-методических комплексов (Автохутдинова О. Ф. Политическая ин/толерантность в СМИ // Толерантность в СМИ / под общ. ред. Э. В. Чепкиной. – Электронный ресурс. Режим доступа:

<http://detc.usu.ru/courses/cjour0011/index.htm>; Чепкина Э. В., Автохутдинова О. Ф. Все люди – сестры: проблемы гендерной толерантности в СМИ // Толерантность в СМИ / под общ. ред. Э. В. Чепкиной. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://detc.usu.ru/courses/cjour0011/index.htm>; Автохутдинова О. Ф. Конструирование «чужих» в интернет-текстах на религиозные темы // Дискурсивные практики СМИ и проблемы информационной безопасности: монография / [Э. В. Чепкина, Ю. В. Казаков, Л. М. Майданова]; под общ. ред. Э. В. Чепкиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 138-159).

Структура и объем диссертации отражают концепцию работы. Диссертация состоит из Введения, пяти Глав, Заключения, Библиографии. Список использованной литературы включает 288 источников. Работа изложена на 238 страницах, включая Библиографию.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обосновывается актуальность избранной темы, новизна исследования, определяются его цели и задачи, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Проблемы дискурсивного анализа СМИ» вводятся и раскрываются опорные теоретические понятия исследования, проводится систематизация основных подходов к изучению дискурса и дискурсивных практик, обосновывается методика их анализа в данной работе. Подробно рассматриваются две проблемы. Первая – как в дискурсе СМИ изображен «Другой» в современном российском обществе. Вторая – как СМИ с помощью дискурсивных практик конструируют реальность, в первую очередь – фигуру персонажа.

В параграфе **1.1. «Проблема «Другого» в российском обществе и дискурсе СМИ»** обозначены и осмыслены в контексте теории журналистики и смежных дисциплин ключевые для работы понятия: как соотносится содержание СМИ с реальностью: это отражение или конструирование социальной реальности (С. Г. Корконосенко, Б. Н. Лозовский, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман, М. Маклюэн, В. Д. Мансурова, Е. П. Прохоров, Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг, С. К. Шайхитдинова); дискурс (Н. Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, Т. ван Дейк, В. И. Карасик, Ю. Е. Прохоров, И. В. Силантьев, П. Рикер, и др.), дискурсивная практика (М. Фуко, В. Е. Чернявская, И. Сандомирская, П. Серио, О. С. Иссерс, Э. В. Чепкина, Л. В. Енина и др.), Другой (Г. В. Ф. Гегель, Э. Гуссерль, И. Г. Фихте, М. Бубер, М. М. Бахтин, Л. Гудков, Э. Левинас, Р. Штихве, Т. Х. Керимов, Е. В. Кантемиров и др.).

Категория «Другого» рассматривается с точки зрения исторически складывавшихся представлений о нем в границах оппозиции «свой –

чужой» и толерантности / интолерантности. Основные характеристики «Другого» в традиционном, индустриальном, постиндустриальном обществе присутствуют в том или ином виде в современных российских СМИ. В настоящее время «Другой» является в силу ряда острых социальных проблем значимым персонажем дискурса СМИ.

В параграфе **1.2. «Конструирование реальности в СМИ: от теории отражения к изучению дискурсивных практик»** постулируется отход от традиционной теории «отражения» реальности средствами массовой информации, подчеркнута опора на теорию конструирования реальности при помощи дискурсивных практик отбора и описания событий и персонажей в дискурсе массмедиа, что позволяет заполнить ряд лагун в исследовании механизмов функционирования. В работе обобщены основные свойства дискурсивных практик в СМИ: анонимность, безличность, стабильность и многократность воспроизведения, лексическая маркированность, избираемость в соответствии с заданной идеологической доминантой.

С точки зрения теории журналистики и лингвистики обобщаются подходы к определению персонажа в текстах СМИ, а также определяется и обосновывается методика анализа дискурсивных практик конструирования персонажа как объекта дискурса.

Персонаж – хорошо разработанная категория текста (М. М. Бахтин, Р. Барт, И. П. Ильин и др.). Персонажами публицистического текста могут быть конкретные, социально типизированные, символические фигуры. Персонажем публикации СМИ может выступать не только отдельный человек, но и коллективный субъект – организация или социальная группа (Э. В. Чепкина, Л. В. Енина, О. В. Ильина, О. Ф. Автохутдинова). В тексте персонажу отводятся различные роли, он выполняет разные функции, связанные с развитием сюжета (В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский). Многие из традиционных для мифологии, фольклора, литературы сюжетных ролей персонажа актуальны в современном публичном дискурсе, в том числе в СМИ (Л. Гудков).

Анализ дискурсивных практик конструирования персонажа осуществлялся в два этапа. В ходе первого этапа исследования были рассмотрены случаи конструирования «Другого» в ситуации «неожиданного события», когда появлялся сенсационный информационный повод, который СМИ не могли игнорировать: майор МВД Алексей Дымовский записал видеообращение к В. В. Путину, пытаясь разоблачить коррупцию в милиции Новороссийска; так называемые Пензенские Затворники – религиозная группа – поселились в подземной пещере в ожидании конца света. В ходе исследования публикаций об этих персонажах был выявлен комплекс типичных практик конструирования «Другого». Затем круг изучаемых текстов был расширен для более тщательного анализа практик, которые были мало

или совсем не представлены в публикациях о Дымовском и Пензенских затворниках. На втором этапе исследования осуществлено детальное описание практик конструирования разных типов «Других» в российском медиадискурсе.

Методика, разработанная нами для анализа дискурсивных практик конструирования «Другого» в текстах СМИ, опирается на ранее предложенные методики выявления персонажей медиадискурса (Э. В. Чепкина, Л. В. Енина). Единицей анализа является целостный текст.

Специфика текстов о «Другом» предполагает, что выбор персонажа сделан на основе его инаковости в том или другом отношении, это условие задается изначально, на уровне информационного повода публикации. Дальнейший анализ «Другого» как персонажа включает следующие шаги: 1) Выделение базовой номинации (имя собственное персонажа или его ведущая социальная характеристика) и вторичных номинаций персонажа. Вторичные номинации – существенный шаг в конструировании персонажа, к ним мы относим все другие номинации, данные персонажу и обычно как-то характеризующие его. 2) Анализируем характеристику поведения, черты характера индивидуализированного персонажа. 3) Рассматриваем, дана ли оценка персонажу. 4) Учитываем, с какими другими персонажами оказывается объединен исследуемый персонаж, а кому он противопоставлен. 5) Выявляем повторяющиеся смыслы, которые и лежат в основе конструирования персонажа, в том числе рассматриваем сюжетную роль персонажа: роль врага, помощника, жертвы, героя и др. В отдельных текстах и в дискурсе СМИ в целом один персонаж может играть несколько сюжетных ролей. 6) Выявляем лингвистические маркеры конкретных дискурсивных практик конструирования «Другого»: повторяющиеся смыслы инаковости; типичные слова, маркирующие такие смыслы; типичные нарративные и логические схемы, описывающие персонажа как «Другого».

Данная методика анализа дискурсивных практик выявляет, каким образом персонаж-«Другой» конструируется в современном российском медиадискурсе.

Во второй главе «“Другой” с неопределенным статусом: дискурсивные практики конструирования в СМИ» мы обращаемся к рассмотрению практик конструирования «Другого» в контексте двух конкретных ситуаций появления персонажей, неожиданных для медиасообщества и для массовой аудитории. Мы выделили практики, конструирующие «Другого» в отрицательно-оценочном ключе, в положительно-оценочном ключе, и практики, формирующие амбивалентное отношение к «Другому».

В параграфе 2.1. «Пензенские Затворники» раскрываются ключевые дискурсивные практики, конструирующие этого персонажа. 24

октября 2007 года 35 человек (четверо из них – дети), входящих в религиозную группу Петра Кузнецова, ушли в заранее подготовленную пещеру в овраге у села Никольское Пензенской области. Практически во всех публикациях Затворники предстают как «Другие». Они не отличаются от «своих» внешним видом, уровнем образования, языком, отношением к семейным ценностям, предпочтениями в еде. Однако они не могут быть включены в круг «своих», так как ведут отличный образ жизни (его жестко регламентирует религия), при этом их трактовка религиозных догматов своеобразна и не вписывается в рамки официального православия. Также они не признают основных законов государства (жгут паспорта), нарушают стереотип «нормального» поведения верующих – уходят в затвор, угрожая самосожжением. По представленному в СМИ мнению ряда экспертов, действия персонажа могут нести угрозу стабильному существованию общества (психически нездоровых нужно изолировать, а не подчиняющихся закону – наказывать), поэтому с ними нужно бороться (депортировать, срыть пещеры, не допускать появления данного явления вновь).

В текстах о Пензенских Затворниках «Другой» конструировался, прежде всего, как внешний и/или внутренний враг. Персонажу приписывают отрицательно-оценочные смыслы разной степени опасности, хотя, как правило, не формулируется, в чем конкретно состоит эта исходящая от «Другого» опасность (*терроризируют область, фронт борьбы с мракобесием, нашествие сектантов, ноги этой секты растут из-за рубежа*). Кроме того, выделена группа практик, конструирующих «Другого» как отклоняющегося от нормы в том или ином смысле: большого психически, социально дезадаптированного и т. д. *убогие, с придурью, с признаками паранойи*.

Важно подчеркнуть, что при конструировании Пензенских Затворников как «Других» едва ли не основным основанием выделения Затворников в группу «Других» был сам факт их веры в Бога. Журналистские тексты выстраивались таким образом, что появлялся смысл ненормальности веры как таковой и ущербности всех верующих. То есть и журналисты, и некоторые их респонденты фактически не признают право свободы выбора веры нормальным и не считают признание этого права неотъемлемым качеством цивилизованного, демократически мыслящего человека. Судя по публикациям СМИ того периода, российское общество не было готово к тому, чтобы с уважением принять чувства верующих, их убеждения, не одобренные официальным православием.

Дискурсивные практики, формирующие у адресата амбивалентное отношение, конструируют «Другого» как персонажа, близкого «своим», вызывающего сочувствие или жалость, но чаще всего таящего в себе опасность: им манипулируют, он может дестабилизировать обстановку

как диссидент (*простодушные, легко управляемые <...> люди, стяжавшие себе славу диссидентов и сектантов*).

При этом журналистское сообщество в целом постаралось сохранить объективность и показать проблему с разных точек зрения. Слово было предоставлено большому количеству людей, по-разному причастных к ситуации. Ни одна из представленных точек зрения не получила статуса «истины в последней инстанции». Мы считаем, что это совокупный эффект существования медиадискурса, который никто не планировал. Само существование различных по идеологической ориентации изданий, СМИ для разных целевых аудиторий – залог возможности опубликовать разные мнения на актуальную тему.

В итоге анализа мы делаем вывод, что практики конструирования персонажа «Пензенские Затворники» не имеют объединяющего все смыслы центра, характеристики персонажей часто противоречат друг другу, освещение в СМИ истории затворников отразило сам процесс формирования нового для СМИ персонажа, когда поиск его идентификации идет в разных направлениях.

Дискурсивных практик, конструирующих Пензенских Затворников как однозначно положительных «Других» зафиксировано не было.

В параграфе **2.2. «Майор Алексей Дымовский»** мы рассмотрели дискурсивные практики, конструирующие этого персонажа как «Другого». Напомним, в видеообращении к В. В. Путину, с которым 5 ноября 2009 года выступил майор МВД Алексей Дымовский из Новороссийска, он обвиняет своих коллег и руководство в коррупции и других противоправных действиях, призывает органы власти и общество обратить внимание на проблемы в правоохранительных органах, а «всех честных офицеров» сплотиться. В декабре 2009 г. А. Дымовский был заключен под стражу по подозрению в мошенничестве, выпущен в марте 2010 под подписку о невыезде. Связанные с Дымовским события получили широкий общественный резонанс и до сих пор не утратили своей актуальности. В частности, в статье 17 закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» именно после выступления А. Дымовского появился пункт, в котором госслужащим запрещается публично критиковать действия руководства (ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). Упоминания о Дымовском в СМИ встречаются вплоть до 2015 года, так как в настоящее время он занимается правозащитной деятельностью.

При конструировании этого персонажа также привлекались практики конструирования «Другого» как внешнего врага. СМИ писали: за ним могут стоять *неправительственные организации, финансируемые из-за рубежа* (хотя сам Дымовский в своих интервью всячески подчеркивал, что он россиянин и с иностранцами практически не встречался). К конструированию образа «Другого» как внутреннего врага

подключаются сопутствующие негативно-оценочные практики конструирования «Другого» как предателя, провокатора или преступника. Особенно широко использовались практики, конструирующие «Другого» как нарушающего социальные нормы: *неадекватный, коррупционер, имеющий признаки психопатической личности*.

При этом в ряде публикаций СМИ А. Дымовский предстает как необходимый, хотя и не вызывающий симпатии «Другой»: своим поступком он обозначил ряд актуальных для общества проблем, принося тем самым пользу всем (эта история обнажила «точку перелома» *Вертикали*).

Использовалась также практика, конструирующая «Другого» как героя – персонажа, совершившего героический поступок: *«Это был Поступок. Поступок, на который решились бы немногие»*.

Практики, формирующие амбивалентное отношение к персонажу, наиболее явно проявились в самопрезентации А. Дымовского, когда в некоторых СМИ ему предоставили слово. Изучив интервью А. Дымовского, мы можем сказать, что, с одной стороны, персонаж обладает чертами, предположительно располагающими к нему аудиторию: он этнически и социально «свой» («я русский»), его позиция близка большинству адресатов («мне надоело быть тряпкой»). Честность персонажа, готовность нести ответственность за возможные правонарушения также должны импонировать читателям. И таким образом дискурсивная практика, конструирующая образ персонажа как героя, реализуется. Но, с другой стороны, признание того, что им совершались неблагоприятные поступки (шпионил за коллегами, чуть не посадил невинного ради очередного звания) оставляют негативное впечатление, сближающее практику конструирования персонажа как героя с практикой, конструирующей лже-героя.

Амбивалентен персонаж А. Дымовский и в рамках дискурсивной практики, конструирующей «Другого» как жертву. При этом в текстах СМИ Дымовский как жертва может и не вызывать сочувствия, но контексты передают семантику преследования персонажа со стороны третьих лиц, актуализируются смыслы причинения персонажу страданий (несчастий) в результате злого умысла: *не хочу, чтобы у меня в кармане «случайно» нашли, например, наркотики*.

В текстах о А. Дымовском мы также находим дискурсивную практику, конструирующую «Другого» как политического диссидента: *Тогда многие связывали с милиционером-диссидентом надежду на реформирование МВД*. Проанализированные нами тексты также показывают, что в современных СМИ слово «диссидент» часто заменяется близким по смыслу словом «правозащитник». Отметим, что если говорящий и адресат имеют какое-то отношение к власти, то возможно негативно восприятие «Другого» как персонажа-диссидента,

если говорящий и адресат – граждане или правозащитники, то, вероятно, они воспримут такого «Другого» положительно.

В качестве сопутствующих к дискурсивной практике, конструирующей «Другого» как диссидента, могут подключаться дискурсивные практики, конструирующие «Другого» как врага, сумасшедшего и жертву. И в этом ключе реакция на Дымовского показательна и в каком-то смысле абсурдна: его поступок, напрямую направленный на борьбу с коррупцией в МВД, не был включен в логику борьбы с коррупцией, которая официально провозглашалась в момент публикации видеообращения. Напротив, в СМИ были приложены значительные усилия для дискредитации А. Дымовского: инициатива обличения собственного начальства была резко осуждена в подавляющем большинстве СМИ и объяснялась враждебными, преступными или большими мотивами.

Реакция на Пензенских Затворников тоже парадоксальна: при постоянно провозглашаемом росте религиозности в России, возрастании роли православной церкви в жизни общества, православная религиозная группа подверглась осуждению – в действиях «Других» искали мотивы враждебной деятельности либо психическую ненормальность.

Важный вывод из выявленной картины конструирования персонажей как «Других» с помощью разнородных, в том числе взаимоисключающих практик состоит в том, что персонаж сам по себе, во внедискурсивной реальности, не обладает изначально заданными положительными или отрицательными характеристиками, значимыми для дискурса СМИ. «Другой» вписывается в социальную стратификацию, окрашивается оценочным отношением только в ходе конструирования в медиадискурсе. Это и есть механизм социального конструирования реальности, понимание которого подрывает наивный взгляд, что роль СМИ – всего лишь служить зеркалом реальной общественной жизни.

В последующих главах развернут детальный анализ каждой из трех групп дискурсивных практик конструирования персонажа, выявленных в ходе исследования двух конкретных ситуаций, описанных выше. В ряде случаев это потребовало привлечения дополнительного эмпирического материала

В третьей главе «Практики конструирования «Другого» как отрицательного персонажа» мы рассмотрели дискурсивные практики, конструирующие внешнего и внутреннего врага, а также персонажа, нарушающего норму.

В параграфе 3.1. «**Дискурсивные практики конструирования персонажа как врага**» мы установили, что данные практики актуализируются через: А) констатацию связи персонажа с анонимной враждебно настроенной силой, находящейся за пределами страны, но руководящей действиями персонажа (*акции финансировались фондами из*

США); Б) лексические средства со смыслами враждебности, опасности (прямые номинации «враг» и слова семантической группы «война»); В) привлечение дискурсивных практик, конструирующих образ Другого как преступника (*брал взятки, шантажировал, угрожал*), провокатора (*«борец за правду»*) или предателя (*разгласил государственную тайну*). Подчеркивалось, что «Другой» как «предатель» – это опасный персонаж, притворяющийся своим, внутренний враг, подлежащий изгнанию или изоляции. Актуализация смысла «предатель» выражается в презрительном отношении к описываемому объекту, в публикациях подчеркивается связь персонажа с врагом, его низкая, лживая природа, а также присутствует смысл неизбежного наказания. Актуализация смысла «провокатор» достигается за счет привлечения слов с семантикой трусости, подстрекательства и провокации других членов сообщества действовать по примеру персонажа.

В параграфе 3.2. «Дискурсивные практики, конструирующие «Другого» как персонажа, нарушающего норму («ненормального»)» проведен анализ следующих дискурсивных практик: А) конструирование «Другого» как психически больного (сумасшедшего): *неадекватный, сумасшедший, идиот, душевно нездоровый*; Б) конструирование «Другого» как дурака; В) конструирование «Другого» как персонажа, который имеет в поведении иные отклонения от общепринятой нормы. «Другой» как психически больной (сумасшедший) признается опасным «Другим», которого необходимо изолировать, тогда как «дурак» – это не сумасшедший, а человек, нарушающий обычаи или нормы приличия. Поведение дурака не несет потенциальной опасности, как поведение человека психически нездорового, однако, с точки зрения «нормального» человека, оно оценивается как странное.

Смысл «ненормальности» персонажа может актуализироваться в медиатексте не только через отсылки к психическому нездоровью или странностям, а, к примеру, через акцентирование внимания на нарушении гендерной стереотипной роли (*вроде и мужик, но поступил совершенно не по-мужски*) или социальную неустроенность (*среди сидельцев тоже нет счастливых, неущербных людей. Есть бабка, которую выгнали из дома. Брошенные мамы с детьми*). Также в качестве негативных характеристик могут привлекаться смыслы, подчеркивающие интеллектуальную неразвитость персонажа или его «неверные» идеологические установки: *убеждения [затворников] граничат с непросвещенностью, косностью и ересью*.

В тексте перечисленные дискурсивные практики могут использоваться по отдельности или в совокупности. Сплетаясь между собой, они усиливают негативные смыслы друг друга, помогая создавать отрицательный образ персонажа «Другой». Кроме того, накапливаясь, они способствуют закреплению негативных характеристик за «Другим»

вообще, любым «Другим», подкрепляя тем самым ксенофобию и социальную агрессию в публичном пространстве.

В четвертой главе «Практики конструирования «Другого» как положительного персонажа» мы установили, что к ним можно отнести практику «помощник» и практику «герой».

В параграфе 4.1. «**Дискурсивная практика, конструирующая персонажа как помощника**» «Другой» в медиадискурсе описывается как «внешний» или «внутренний» помощник.

Другой как «внешний» помощник в публикациях изображается в качестве непосредственного партнера (коллега, союзник, волонтер, член команды). Персонаж при этом обязательно является представителем другого государства – это главный признак его инаковости. Помощь может оказываться как отдельным гражданам, так и России в целом. Смыслы эти фиксируются как в речи персонажей публикаций, так и в речи авторов текста – журналистов.

В роли «Другого» как «внешнего» помощника может выступать не только человек (или группа людей), но и мистическое существо – бог. Этому персонажу приписываются только положительные характеристики. При описании бога как персонажа публикации дискурсивная практика «помощник» может актуализироваться за счет ключевых смыслов «наставник», «врачеватель», «спаситель», «защитник».

«Внутренний» помощник, не входящий в число «своих», в дискурсе СМИ обычно представлен как необходимый, хотя и не вызывающий симпатии «Другой». И хотя действия персонажа не помогают, например, победить врага, однако своим поступком «Другой» обозначает ряд актуальных и значимых для общества проблем, тем самым принося пользу. Так представлен в ряде СМИ Дымовский. Эту практику конструирования используют персонажи-эксперты, авторы-журналисты и сам персонаж, когда характеризует себя и свои поступки. В текстах подчеркивается существование общественного запроса на появление такого персонажа- «Другого».

В параграфе 4.2. «**Дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как героя**» мы приходим к выводу, что кроме вторичной номинации «герой» (*он все равно герой*), заменяющей собственное имя персонажа, говорящие приписывают ему большую часть черт, свойственных традиционному, в том числе мифологическому герою: борьба с вредителем-антагонистом (*я не считаю это заключением, я считаю, что это был плен, и я находился ... на территории врага*), борьба за справедливость (*я буду продолжать борьбу за правду, за то, чтобы коррупция была полностью выжжена в России*), охрана национальных традиций и способность завоевать любовь народа (*Я считаю, что Россия – это великая держава, и задача всех, всего*

российского народа не давать вытирать об эту державу ноги, кому ни попадя), преданность и любовь к своему отечеству, своему народу (я – русский офицер), способность возглавить народ (настало время нам всем объединиться, всем россиянам, всем людям). Наиболее ярко практика, конструирующая «Другого» как героя, проявляется в текстах, где А. Дымовский рассказывает о том, чем он занимался, пока сидел в СИЗО. К перечисленным выше характеристикам он добавляет характеристику «прекрасная физическая форма» (я нахожусь в прекрасной физической форме, дух мой не сломлен) и вводит новую: «заботливый отец» (Единственное сожаление – это то, что я не присутствовал при рождении дочери).

В текстах о Пензенских Затворниках мы не зафиксировали ни одной практики, конструирующей положительного персонажа. Затворникам в публикациях не приписывалась ни роль героев, ни роль помощников.

В пятой главе «Дискурсивные практики, конструирующие «Другого» как персонажа, вызывающего амбивалентное отношение» мы исследовали в дискурсе СМИ практики, конструирующие «Другого» как персонажа, вызывающего и положительное, и отрицательное отношение в зависимости от контекста.

В параграфе 5.1. «Дискурсивная практика «самопрезентация» “Другого”» оценивается прямая речь персонажа, которая может повлиять на общее отношение к «Другому» со стороны адресата. Дискурсивная практика самопрезентации возникает в дискурсе СМИ, когда журналисты дают возможность персонажу высказаться, предоставляют ему слово. Отметим, что в текстах о Пензенских Затворниках эта дискурсивная практика не применялась. В текстах о майоре А. Дымовском, с одной стороны, честность персонажа, его смелость должны импонировать аудитории. И таким образом дискурсивная практика, конструирующая образ персонажа как героя, реализуется. Но с другой стороны, то, что он сам рассказывает о довольно неприятных фактах своей биографии и не считает некоторые свои сомнительные действия зазорными (ради звания едва не посадил невиновного, шпионил за коллегами и начальством, собирая компромат), оставляют негативное впечатление. Практика конструирования персонажа как героя переплетается с практикой, конструирующей лже-героя, в тексте накапливаются смыслы, вводящие взаимоисключающие оценки персонажа.

В параграфе 5.2. «Дискурсивная практика, конструирующая «Другого» как жертву» показано, что, с одной стороны, персонаж-жертва вызывает жалость, сочувствие (его преследуют, его оговорили, опальный майор), с другой стороны, журналисты могут подбирать такие смыслы, при которых жертва, не вызывая жалости, предстает в образе ущербного в моральном и интеллектуальном плане человека,

потенциально опасного: *легковнушаемые, зомбированные люди с проблемами в личной жизни; мы дружно держались от нее подальше.*

В параграфе **5.3. «Дискурсивная практика конструирования «Другого» как диссидента»** доказывается, что в дискурсе СМИ фиксируются оба значения слова «диссидент» при конструировании «Другого». В текстах о Пензенских Затворниках диссидент равен вероотступнику. В текстах о Дымовском диссидент – это инакомыслящий, человек, не согласный с господствующей идеологией. Для конструирования «Другого» как диссидента могут привлекаться и переплетаться между собой практики «герой», «жертва» и «помощник». Амбивалентность «Другого» в данном случае отражается и в толковании значения слова «диссидент»: для представителей официальной, господствующей идеологии этот внутренний «Другой» будет «чужим», возможно даже «врагом» (*Пензенским закопанцам было оказано слишком много чести – и прессой, и властями. А сейчас я очень боюсь, что из этих диссидентов сделают героев*), а для людей, поддерживающих взгляды «Другого», – «своим», возможно, даже «героем», здесь смысл «диссидент» может сближаться со смыслом «правозащитник» (*Алексея Дымовского, возможно, скоро освободят на радость российской общественности, особенно правозащитников*).

В **«Заключении»** подводятся общие итоги исследования.

Основные положения диссертации отражены в публикациях

Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ:

1. Автохутдинова О.Ф. Дискурс политической интолерантности в региональных СМИ в период выборов // Известия Уральского университета / Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 113-124 (0,8 п. л.)

2. Автохутдинова О.Ф. Практики конструирования Другого как персонажа журналистского дискурса // Известия Уральского университета / Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. №3 (92). С. 16-27 (0,8 п. л.)

3. Автохутдинова О.Ф. Сюжетные функции персонажа-помощника // Известия Уральского университета / Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2014. №3 (129). С. 127-134 (0,6 п. л.)

4. Чепкина Э. В., Автохутдинова О.Ф. Проблема другого в российском обществе и практики конструирования персонажа «другой» в дискурсе СМИ / Э. В. Чепкина, О. Ф. Автохутдинова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2015. — № 2 (138). — С. 113-119 (авторские не разделены) (0,6 п. л.)

Другие публикации:

5. Автохутдинова О. Ф. Интолерантность в политическом дискурсе в период выборов // Другой в пространстве коммуникации: Сборник научных статей / Сост. и ред. С. К. Шайхитдинова. – Казань : Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. 2007. С. 181-194 (0,4 п. л.).

6. Чепкина Э. В., Автохутдинова О. Ф. Все люди – сестры: проблемы гендерной толерантности в СМИ // Толерантность в СМИ / под общ. ред. Э. В. Чепкиной. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://detc.usu.ru/courses/cjour0011/index.htm> (авторские не разделены) (0,6 п. л.).

7. Автохутдинова О. Ф. Политическая ин/толерантность в СМИ // Толерантность в СМИ / под общ. ред. Э.В. Чепкиной. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://detc.usu.ru/courses/cjour0011/index.htm> (0,5 п. л.).

8. Автохутдинова О. Ф. Ключевые оппозиции в текстах российских СМИ о конфликте в Южной Осетии // Образ кавказца в центральной прессе: проблемы и решения. Сб. тезисов Всерос. научн.-практ. конф. (9-10 сентября 2008 г., Махачкала). – Махачкала: Дагестанский гос. ун-т., 2008. С. 3-4 (0,1 п. л.).

9. Автохутдинова О. Ф. Конструирование «чужих» в интернет-текстах на религиозные темы // Дискурсивные практики СМИ и проблемы информационной безопасности: монография / [Э. В. Чепкина, Ю. В. Казаков, Л. М. Майданова]; под общ. ред. Э. В. Чепкиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 138-159. (0,6 п. л.).

10. Автохутдинова О. Ф. Создание стереотипов в текстах о религии (на примере текстов о затворниках под селом Никольским в Пензенской области) // Факс. Журнал уральских журналистов / Материалы межвузовской научно-практической конференции «Весна факультета – 2009» 21 апреля 2009 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. №1-2. С. 3-5 (0,1 п. л.).

11. Автохутдинова О. Ф. Дискурсивные практики конструирования персонажа в текстах СМИ // Журналистика в 2009 году: трансформация систем СМИ в современном мире / Сборник тезисов Международной научно-практической конференции. – М. : Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 176-177 (0,1 п. л.).

12. Автохутдинова О. Ф. Дискурсивные практики в предвыборных текстах СМИ // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации / Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – М. : Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. С. 18-19 (0,1 п. л.).

13. Автохутдинова О. Ф. Дискурсивная практика конструирования образа внешнего Другого как помощника // Журналистика в 2012 году: социальная миссия и профессия. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. С. 433–434 (0,1 п. л.).

14. Автохутдинова О. Ф. Другой в роли «внешнего помощника» в текстах масс-медиа // Новое в когнитивной лингвистике XXI века / отв. ред. М. В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. С. 338-344 (серия «Концептуальные исследования». Вып. 20) (0,6 п. л.).